

П. А. Дмитриев.

РАСКОПКИ СТОЯНКИ
„КАЛМАЦКИЙ БРОД“
НА Р. ИСЕТИ.

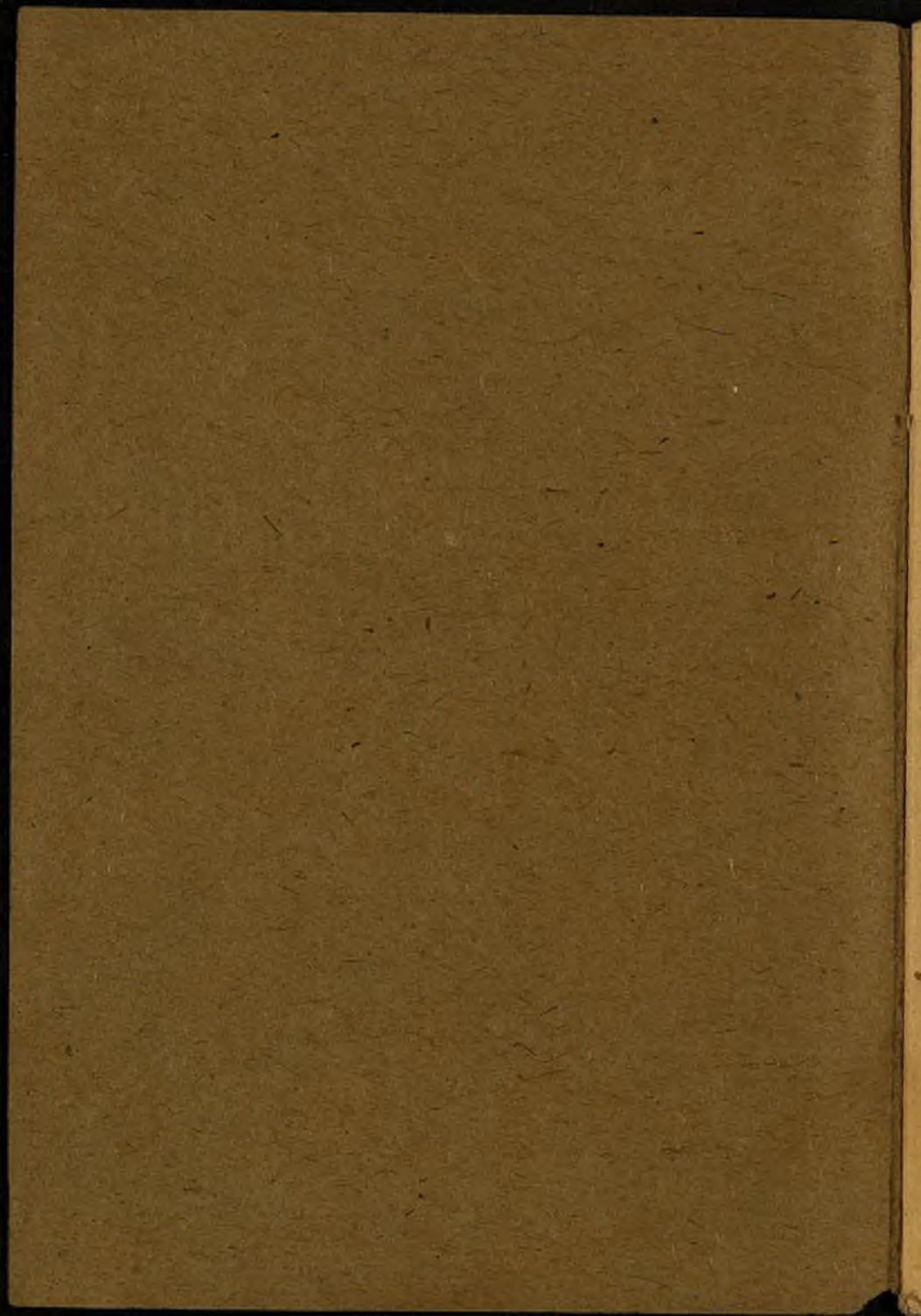
инв. № 1662

№ 1.

Свердловский Госуд. Областной Музей.

1934 г.

Гор. Свердловск

П. А. Дмитриев.

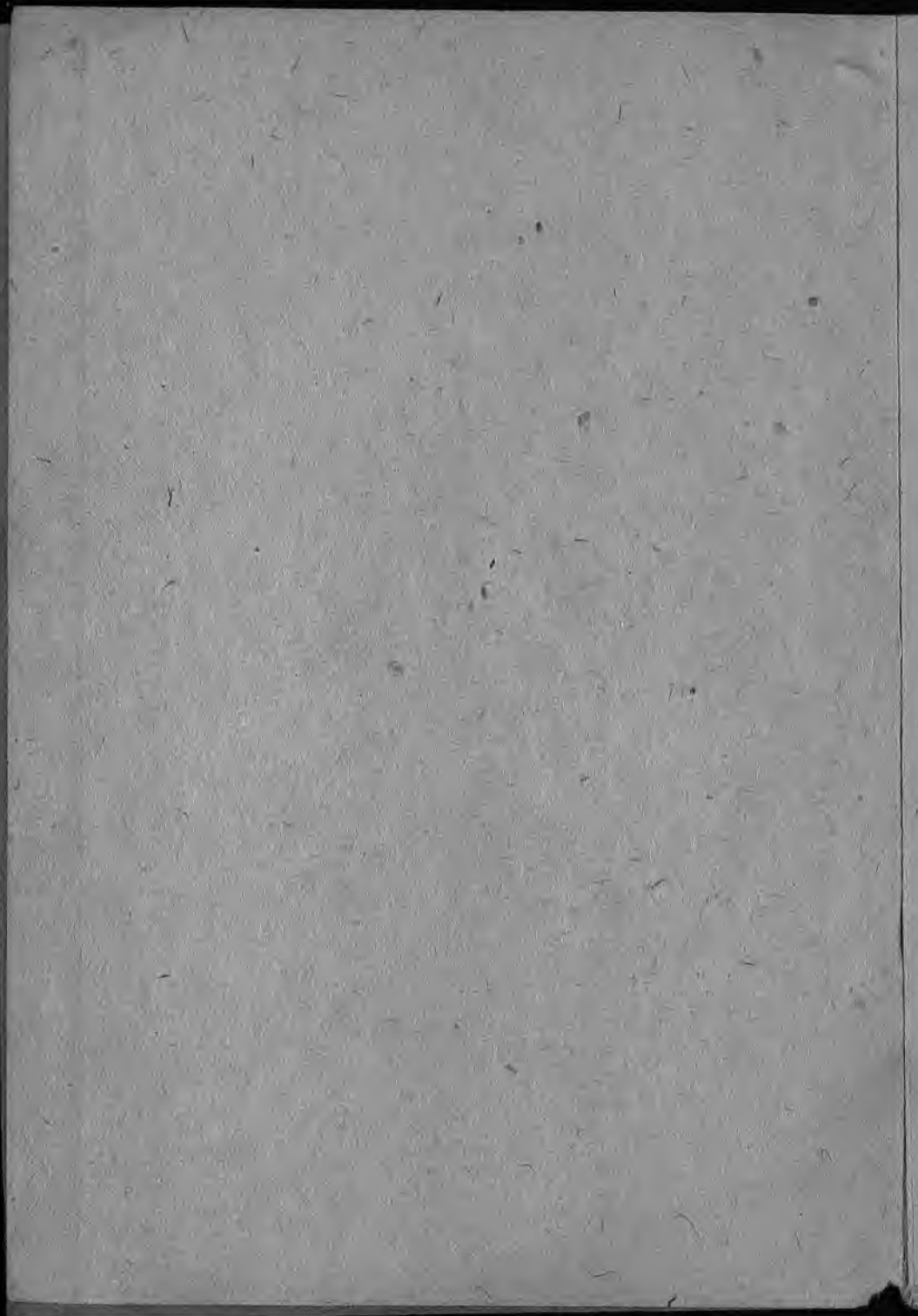
Зам. № 1662.

Раскопки стоянки
„КАЛМАЦКИЙ БРОД“
НА Р. ИСЕТИ.

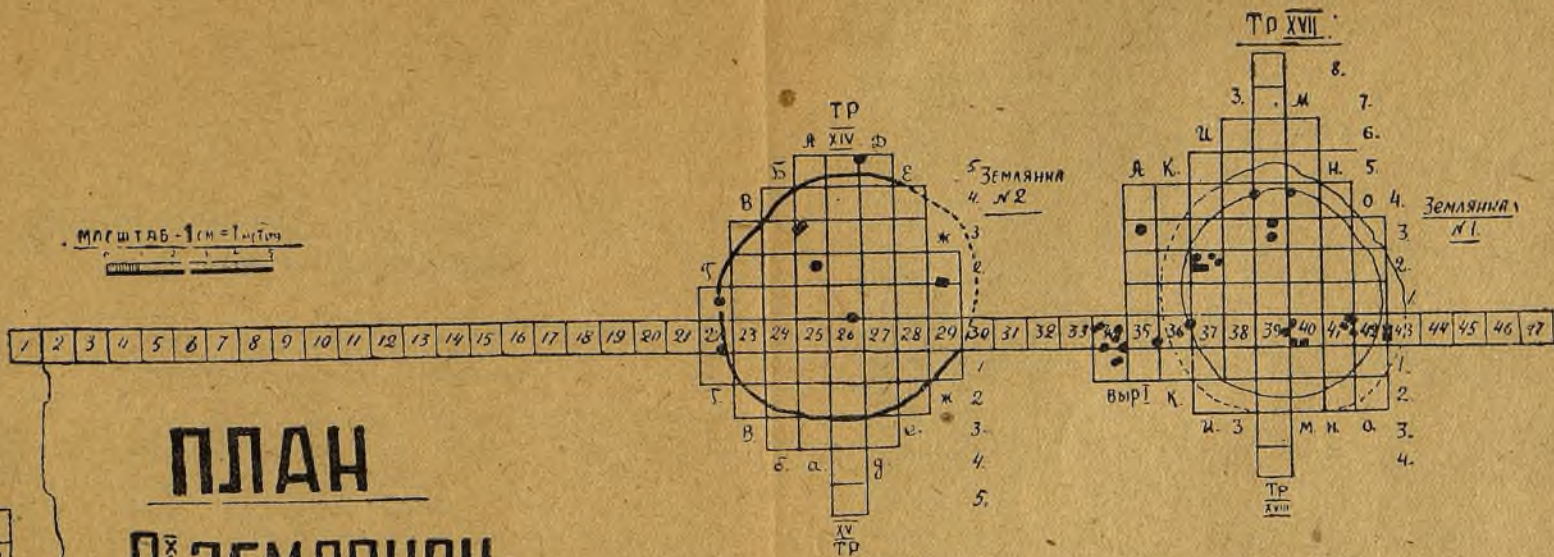
Свердловский Госуд. Областной Музей.

1934 г.

Гор. Свердловск.

МАСШТАБ - 1 см = 1 метр

ПЛАН

2^х ЗЕМЛЯНОК

и ПОГРЕБЕНИЯ КАЛМАЦКОГО БРОДА ПО ДАННЫМ РАСКОПОК 1934 ГОДА.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

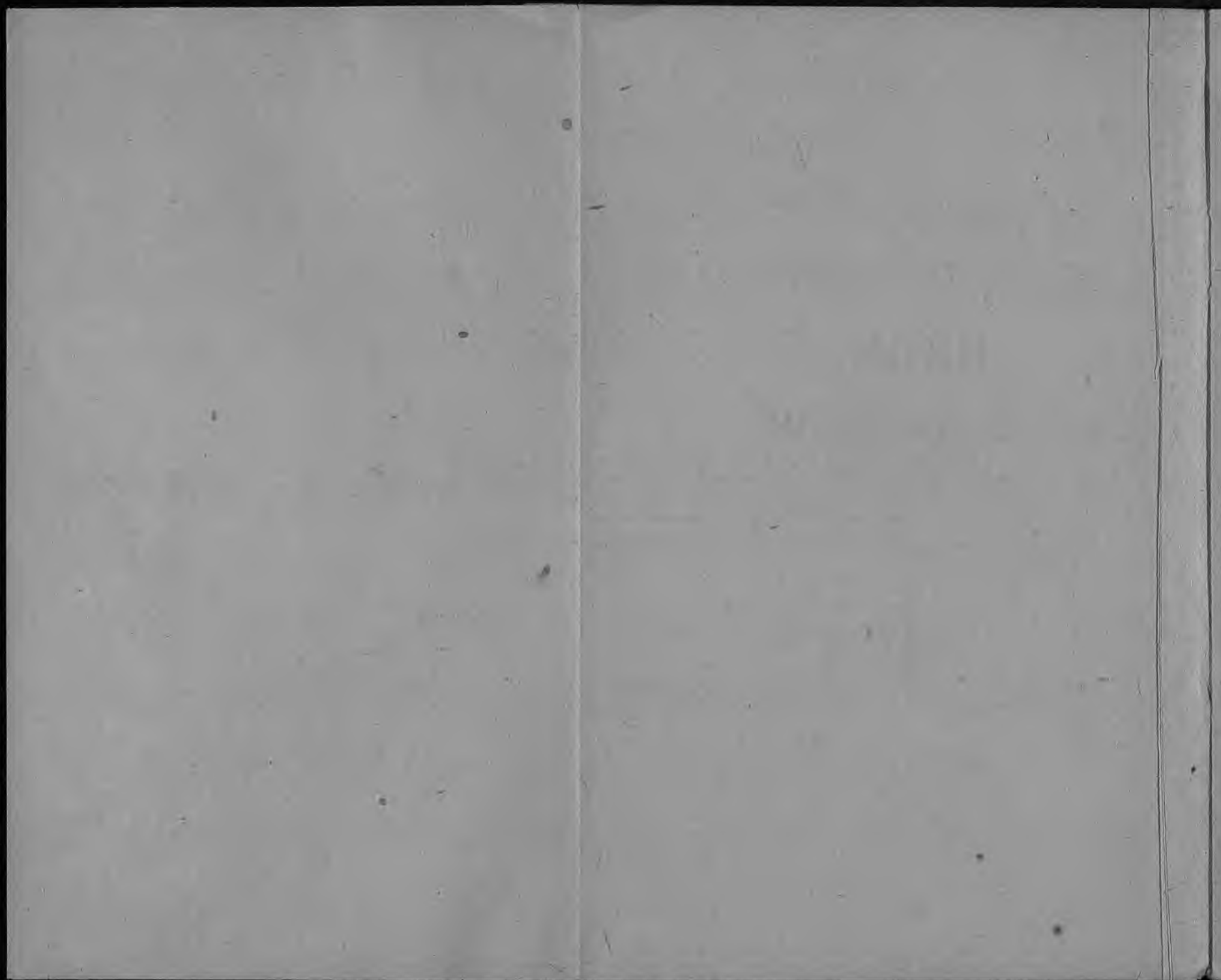
● --- КАМНИ

■ --- ПЛИТЫ

□ --- УЧАСТКИ

1 2 3 4 5 6 7 ТРАНШЕИ

Раскопки стоянки „Калмацкий Брод“ около Свердловска

П. А. Дмитриев

(Предварительное сообщение)

Стоянка на урочище „Калмацкое“, или „Калмацкий Брод“, находится на правом берегу р. Исети, в 18 км. от г. Свердловска по Горнозаводской линии Пермской ж. д.

Место стоянки представляет собою обычную на Урале небольшую возвышенность с двумя вершинами. В седловине между ними, а также на склонах к реке и была расположена стоянка. Место для поселения представляло значительные удобства. Исеть, делающая здесь крутой (почти в 90°) поворот к югу, омывает стоянку с северной и восточной сторон. Западный склон вершины довольно круто спускается к болоту. Таким образом, стоянка находилась, как бы, на полуострове, защищенном с 3 сторон.

Стоянка была открыта в 1906 году местным любителем-археологом и краеведом Н. А. Рыжниковым, который за время своей многолетней и неутомимой деятельности собрал массу сведений о местах, где встречаются археологические памятники и сделал немало ценных наблюдений, которые были зафиксированы в рукописи, хранящейся в библиотеке Свердловского областного музея краеведения. Н. А. Рыжников не всегда ограничивался сбором подъемного материала, но иногда шурфовал и даже проводил траншеи на интересующей его площади. К сожалению, эти работы не были научно документированы. Такие рекогносцировочные раскопки были им произведены в 1906 г. и на стоянке „Калмацкий Брод“.

В 1928 г. командированной УОБК (Уральское Областное Бюро Краеведения) экспедиции удалось раскопать на стоянке „Калмацкий Брод“ одно нетронутое погребение, относящееся, судя по инвентарю, к последним векам до нашей эры. В том же году экспедиция заложила небольшую траншею в той же части, где копал и Н. А. Рыжников, только ближе к реке. При раскопках было найдено несколько каменных орудий и обломков от глиняных сосудов.

В 1931 году мною, при участии свердловских любителей орхеологов были произведены разведки и рекогносцировочные раскопки на листовном и еловом мысах Исетского озера, а также на стоянке „Калмацкий Брод“.

Изучение стратиграфии карьеров, из которых брали песок для устройства насыпи, а также других обнажений почвенных слоев, дало возможность установить, что наиболее мощный культурный слой *) находится в восточной части стоянки. В этой же части в 1928 г. были открыты и погребения. Поэтому естественно, что именно здесь были начаты первые раскопки. В 1931 году было вскрыто около 60 кв. м. площади, непосредственно примыкающей к карьеру. Несмотря на незначительность площади, раскопка дала довольно большое количество вещей, переданных в Государственный исторический музей в Москве.

В 1932 году на средства Государственной академии истории материальной культуры и Госуд. исторического музея мною были произведены дальнейшие исследования стоянки „Калмацкий Брод“. Раскопки 1932 года были замечательны тем, что помимо находок большого количества предметов, на стоянке впервые на Урале была открыта землянка, служившая жилищем для обитавшего тут первобытного человека.

Землянка, как она была обозначена в дневнике, была слегка овальной формы. Ее диаметры равны 7, 50 и 8, 50 метрам. Она была вырыта частью в культурном слое, частью в твердом грунте (в дресве), благодаря чему ее границы были видны очень ясно. Почти в центре землянки сохранились следы от очага в виде густо черного углистого слоя. Внутри землянки найдены большие полировальные плиты, которые лежали сглаженными поверхностями вниз. Одна плита находилась на месте очага, около другой лежало шесть каменных топориков, из которых не все были закончены обработкой.

Под конец работы, в траншее, проведенной для получения поперечного профиля восточной части стоянки, открылось пятно от какой то большой ямы. Недостаток средств заставил отложить раскопки в этой части траншеи до следующего года.

Раскопки 1931—1932 годов дали обширный вещевой материал, который позволяет определить и хронологическую дату стоянки. Всего за два года найдено свыше 500 предметов, не считая обломков от глиняных сосудов, число которых достигает 10 тысяч. Большую часть находок составляют скребки, ножевидные пластинки, наконечники стрел, шлифо-

*) Слой, в котором находятся остатки человеческой деятельности, обломки орудий и разной утвари, уголь, вола, кости животных и т. д.

ванные орудия и т. д. Из глиняных предметов обращают на себя внимание обломки грузил с заостренными концами, моталки и пряслица из черенков. Из металлических вещей особенно важной находкой является медное четырехгранное шило с двумя острыми концами.

В 1934 году Государственный исторический музей решил продолжить исследование стоянки „Калмацкий брод“, с целью открытия намечившейся в 1932 году ямы—землянки. Была организована экспедиция, в которой активное участие приняли Свердловский областной отдел народного образования, областной краеведческий и антирелигиозный музеи.

Раскопки были начаты с расчистки старой траншеи, чтобы вновь обнаружить засыпанное в 1932 году пятно, а затем эта траншея была продолжена до начала болота. Таким образом, получился длинный разрез всей площади стоянки. Профиль разреза дал возможность установить наличие 2 землянок, которые были задеты траншеей. При помощи перпендикулярных коротких траншей, проведенных через середину намечившихся землянок в обе стороны от основной траншеи, удалось определить точные границы землянок. Далее была вскрыта вся площадь, занимаемая землянками, причем для удобства записи находок эта площадь была подразделена на отдельные участки по 1 кв. м. в каждом.

Каменные орудия, найденные при раскопке землянок „Калмацкий Брод“. (Пресверденная кирка, каменный топор, камень для шлифования и др.).

Для контроля за расчисткой стенок землянок между отдельными участками были оставлены узкие полоски нетронутой земли—«экраники» или «бровки», благодаря которым мы все время имели перед собой продольный и поперечный профили вскрываемой площади. Исследования велись с таким расчетом, чтобы пятна землянок были целиком охвачены площадью ра-

скопа. Поэтому после снятия культурного слоя на грунте ясно обозначились границы землянок, а изучение профилей траншей дало возможность кое-где проследить края землянок в самом культурном слое.

Землянка № 1 круглой формы, с диаметром равным 7,50 м. Глубина ее от поверхности равна—1 метру, от нижней границы культурного слоя—0,50 м. В землянке найдены довольно крупные обломки полировальных плит. Около центра—были замечены слабые следы углисто-землистого слоя, представляющие, по видимому, остатки очага.

Землянка № 2 обозначилась и в плане, и в профиле траншеи наиболее четко и точно, т. к. ее дно определялось тонкой угольной прослойкой. Землянка имела почти правильную круглую форму с довольно пологими стенками. Диаметр пятна землянки равен 6 м. Диаметр краев, поскольку его удалось выяснить в некоторых пунктах раскопа, равен 7,50 м. Глубина от поверхности земли равна 0,90 м., а от подошвы культурного слоя—0,40 м. Несмотря на то, что землянка расположена на стороне, имеющей уклон к реке, дно ее горизонтальное

Деформированный череп и глиняный горшок из погребения стоянки „Калмацкий Брод“.

(так же, как и в других землянках). Около центра землянки открыто две груды камней, среди которых находились и обломки полировальных плит, лежащие стертой поверхностью вниз. Около этих груд, а также и непосредственно под ними, найдено много угольков, обугленных веточек и несколько мелких осколков от пережженных костей. Очевидно, обе груды являются остатками очагов. Любопытно, что на одном из них

лежада рабочей поверхностью вниз большая плита, около которой найдена каменная терка.

Дно землянки неровно. Оно было сплошь покрыто углистым слоем. К сожалению, выступившая почвенная вода не позволила тщательно исследовать все дно.

Кроме землянок на территории стоянки был открыт отдельный очаг, состоящий из отдельных камней, сохранивших на себе следы обжига. Под этими камнями обнаружена тонкая углистая прослойка. Около очага также были найдены обломки полировальных плит.

Одновременно с раскопкой землянок была проведена еще одна траншея, примыкающая к карьере, около которого были произведены первые раскопки в 1931 году.

Во время раскопок было обращено внимание на то, что культурный слой был перемешан с грунтом, а после снятия культурного слоя обозначилась часть могильного пятна, уходящего в южную стенку траншеи. При расширении площади раскопок в перекопанном культурном слое были обнаружены остатки двух погребений, кости которых лежали в полном беспорядке. Одно погребение — детское. От него сохранились обломки черепа, нижняя челюсть, две бедренные кости, лежащие далеко одна от другой, и лучевая и локтевая кости, находящиеся рядом с черепом 2-го погребения. Второе погребение — взрослого человека. От него сохранился лишь череп, лежащий теменем вниз, и грудная кость. Верхняя челюсть была отломана. Совершенно ясно, что скелеты погребенных были кем то потревожены. Могильная яма, имевшая неправильные очертания вверху, около дна приняла форму прямоугольника, ориентированного по линии с З. на В., головой к западу. Верхняя часть ямы, очевидно, была разрушена грабителями или кладоискателями, чем и объясняются неправильные очертания пятна К. К счастью, грабители не заделали одного края ямы, где стояли три глиняные горшка, из которых два были раздавлены землей, а третий оказался совершенно целым.

Очень интересным является тот факт, что череп взрослого человека оказался искусственно деформированным при помощи ношения специальной головной повязки, стягивающей лоб и затылок. Деформация черепов была свойственна некоторым народностям и, в частности, она была известна волжским сарматам. Судя по форме горшков, погребение относится к последним векам до н. э.

Нахождение памятников двух эпох в одном пункте очень важно для установления их относительной хронологии. Совершенно ясно, что погребение в культурном слое могло иметь

место только тогда, когда от стоянки не осталось уже никаких следов, т. е., иначе говоря, погребение должно быть значительно моложе поселения.

* * *
В 1934 году на стоянке найдено свыше 350 различных предметов и несколько тысяч черепков от глиняных сосудов, очень много осколков кремня, яшмы и пр., получавшихся при изготовлении каменных орудий. Если не считать обломков от сосудов, то больше всего найдено каменных предметов. Из костяных изделий найдено два наконечника стрелы и обломок головы лося. Очевидно, почвенные условия неблагоприятны для сохранения костей. Поэтому и костей животных найдено чрезвычайно мало. Из нескольких полуистлевших обломков удалось пока определить только кости лося. Из глиняных предметов найдено несколько обломков от грузил пряслица из черепков и обломки моталок, а из металлических—одна медная пластинка.

При кратком обзоре найденных в 1934 году вещей следует указать прежде всего те из них, которые прямо или косвенно характеризуют основное производство восточно-уральского родового общества—охоту.

1. *Наконечники стрел.* В 1934 году на стоянке найдено 18 полных и 8 обломков наконечников стрел из камня и кости, что вместе с находками прежних лет составит цифру в несколько десятков экземпляров. Каменные наконечники имеют разную величину и разную форму. Среди них встречаются и листовидные, и треугольные (узкие, с небольшой выемкой в основании), и одношпильные (№№ 89 и 98). Последние сделаны из ножевидной пластинки, слегка отретушированной только с одной стороны. Одношпильные наконечники, типичные для Урала, были найдены и на других стоянках (напр., Палкинской, а в окрестности Тюмени—на 1-й и 2-й Андреевских).

Два костяные наконечника имели, очевидно, обычную трехгранную форму. Костяные наконечники употреблялись, несомненно, очень широко, о чем мы можем судить хотя бы по материалу Шигирского торфяника, но кроме них были и деревянные наконечники. К сожалению, почва не могла нам сохранить ни кости, ни дерева.

2. *Скретки.* Скретки найдены в очень большом количестве: только в 1934 г. их собрано 85 экземпляров различной формы. Среди них имеются довольно крупные и очень маленькие (28, 62, 189, и др.), плоские (84) и высокие (85), сделанные при помощи простой легкой оббивки и при помощи отжимной техники (8, 162). Такое разнообразие свидетельствует

о том, что назначение скребков было чрезвычайно дифференцировано. Они могли употребляться для выделки шкур, снятых с убитых животных, и для обработки дерева или кости. Необходимо отметить, что подобные скребки вставлялись в деревянные рукоятки (см., напр., соч. Пфейфера «Орудия людей каменного века» (на немецком яз)).

3. *Ножевидные пластинки* найдены также в огромном количестве. Среди них особенно часто встречались очень маленькие и тонкие пластинки. Назначение ножевидных пластинок различно. Одни из них могли употребляться как ножи, для чего одно лезвие их иногда притуплено ретушью, другие служили сырым материалом, из которого в дальнейшем, путем вторичной обработки, выделялись наконечники стрел, скребки и т. д. Труднее определить назначение мелких пластиночек, которые иногда можно едва ухватить двумя пальцами. Большое количество таких пластиночек, а также находки очень маленьких нуклеусов (ядрищ), от которых они отжимались, показывают, что древние уральцы испытывали в них большую нужду. Сравнение нашего материала с Шигирским позволяет более или менее точно определить их назначение. Там найдено много своеобразных костяных наконечников стрел, несколько костяных ножей (пил²) с кремневыми лезвиями, составленными как раз из таких пластинок. Пластинки были укреплены при помощи черной смолы. Очевидно, человек испытывал нужду в длинном и остром оружии. Из кости он мог сделать орудие достаточной длины, но вследствие мягкости материала это орудие не могло быть очень острым. С другой стороны, из кремня он имел возможность изготовить острое оружие, но из-за хрупкости материала и сложности его обработки нельзя было получить достаточно длинное оружие. Человек блестяще справился с этим затруднением, научившись укреплять костяное лезвие кремневыми пластинками подобно тому, как на несколько столетий позже оружейные мастера стали путем наварки укреплять мягкие железные клинки твердой и острой сталью. Повидимому, небольшие пластинки со стоянки „Калмацкий Брод“ и предназначались для вставки в лезвия костяных орудий.

4. *Асимметричные ножи* найдены, главным образом, в обломках. Целые экземпляры известны среди материала других стоянок Восточного Урала. Обычно, они делались из разных сланцевых пород и из кремня. Употреблялись для разрезания мяса, для снятия шкур с убитых животных, для обработки дерева и т. д.

5. *Обломок головы ося, вырезанной из рога, представляет большой интерес, несмотря на то, что сохранилась только нижняя часть головки (нижняя челюсть и часть верхней).* Даже по обломку можно судить, что фигурка была очень реалистичной и в этом отношении она очень напоминает Шигирские и Горбуновские образцы. Скульптурные изображения животных, повидимому, были широко распространены на Восточном Урале, но только почва не везде их сохранила до нашего времени. Находки подобных изображений, наряду с костями животных, показывают, на кого охотился древний уральский охотник.

Из орудий рыболовства на стоянке «Калмацкий Брод» в 1934 г. найдено только два небольших обломка от характерных глиняных грузил (106, 128), форма которых устанавливается по целым или почти по целым экземплярам, найденным на этой же стоянке в предыдущие годы, а также и на других стоянках (Шигирский торфяник, Палкинская стоянка, Черное озеро и т. д.). Интересно, что такие грузила известны только на Восточном склоне Урала.

Орудия, характеризующие земледелие, почти совсем отсутствуют на этой стоянке. К их числу, правда, может быть отнесена просверленная каменная кирка с острыми концами, найденная около центра землянки № 2 (№ 196), но она могла употребляться и как инструмент для копания земли, и как орудие горного дела. Кирка заслуживает особенного внимания потому, что такое орудие на Урале найдено впервые. Интересно также небольшой округлый камень, одна сторона которого частично отполирована (235). Этот камень лежал около большой плиты на втором очаге землянки № 2. Форма его напоминает зернотерку, найденную на реке Аят. Он отличается от нее, главным образом, своей незаконченностью. Возможно также, что некоторые большие плиты, которые предварительно названы, как полировальные, при более тщательном дальнейшем изучении окажутся камнями, на которых растиралось зерно. Подобные камни найдены, например, на Шигирском торфянике.

В большем количестве сохранились на стоянке предметы, характеризующие технику *обработки каменных орудий.* И это вполне понятно, т. к. почва сохранила до нашего времени, главным образом, камень. Если бы кости и костяные изделия дошли до нас в таком же количестве, то мы, несомненно, имели бы более богатый материал, чтобы судить, о технике обработки кости. То же можно сказать и о дереве.

Находки крупных незаконченных орудий позволяют восстановить весь процесс их выработки. Например, для того

чтобы сделать топор или долото, выбирали довольно большой камень, от которого, при помощи отбойников, отбивали ненужные части, придавая желаемую форму. После этого его начинали шлифовать на каменной плите при помощи песка и воды. Особенно тщательно зашлифовывалось лезвие. Большое количество обломков от полировальных плит в землянках и вне их, полированные топоры и долота, обломки полированных орудий—все это говорит за то, что полирование камня здесь очень широко практиковалось. Но кроме полирования, применялось сверление и пиление камня. О том, как производилось сверление, мы можем получить представление после внимательного осмотра кирки, найденной в землянке № 2. Характер отверстия показывает, что сверление производилось с двух сторон массивным сверлом, а не полным. В качестве такого сверла могла быть употреблена простая деревянная палка с тупым концом, которая при помощи лучковой передачи приводилась во вращательное движение. Под сверло все время нужно было подсыпать мокрый песок. Сверленные орудия на восточном Урале находятся очень редко. За исключением этой кирки и двух—трех топоров из Шигирского торфяника, мы можем наблюдать сверление на нескольких каменных грузилах и привесках, одна из которых найдена на стоянке „Калмацкого Брода“.

Пиление производилось при помощи каменных пил, обломки которых найдены на стоянке (104). Однако, оно могло производиться и другими способами: веревкой, деревянными линейками и т. д. Находки камней со следами пиления (№ 16,44) показывают, что здесь пиление производилось разными способами.

Многочисленные находки ножевидных пластинок и нуклеусов*) (только в 1934 году найдено 92 экземпляра), среди которых значительная часть имеет очень маленькие размеры, свидетельствуют о большом развитии т. н. „отжимной“ техники. Сущность этой техники заключается в том, что осколки не отбивались от камня, а отделялись от него при помощи нажима. Прежде всего, обивали у камня верхушку, чтобы получить более или менее ровную площадку, а затем на последнюю производили надавливание отжимником (палка, снабженная упругим костяным наконечником). Возможно, что при этом пользовались особым станком, модель которого имеется

*) Нуклеус это камень, от которого откалывались или отжимались осколки, предназначенные для дальнейшей обработки. Нуклеус всегда имеет на себе следы отбитых или отжатых пластинок.

в Свердловском музее. Только применяя эту технику, можно было получить правильные ножевидные пластинки.

Несмотря на то, что на стоянке совсем не найдено *дерева*, мы можем судить о *технике его обработки по некоторым орудиям*. Так, в 1934 году найдено 7 топоров (целых и в обломках) и 6 долот. Топоры иногда достигали значительных размеров, насколько об этом можно судить по величине обломков. Долота имеют обычно узкую форму с утонченным обухом. Некоторые из них настолько тонки, что они применялись как наши стамески. Ими, очевидно, выравнивали поверхность деревянных изделий. Возможно, что этими же орудиями обрабатывались кость и рог. Материал других стоянок показывает, что именно делалось этими инструментами. В торфяниках находились части лодок, выжженных внутри, остатки каких-то деревянных построек, луки, лыжи, сосуды и пр., и пр.

Очень немного найдено предметов, говорящих о *технике обработки волокнистых растений*. Отпечатки веревочек, грузила от сетки, находимые почти на всех стоянках Восточного Урала, говорят о том, что человек уже умел получать из волокнистых растений нитки, делать из последних веревки и даже ткани, судя по отпечаткам на сосудах. На стоянке „Калмацкий Брод“ свидетелем этой техники являются только глиняные моталки и пряслица из черепков от сосудов. Подобные предметы найдены и на других стоянках.

Огромное количество обломков от *глиняных сосудов* позволяет не только определить технику их изготовления, но и реконструировать их форму. Все сосуды формовались от руки, без применения гончарного круга, который еще не был известен. Судя по некоторым обломкам, имеющим характерный излом, сосуды делались при помощи т. н. ленточной техники. Сущность ее заключалась в том, что глиняное тесто раскатывалось в длинные жгутики, которые накладывались спирально, или отдельными кругами один на другой, образуя стенки сосуда. Последние расправлялись руками. После формовки стенки сосудов сглаживались травой, деревянной щепкой, лопаточкой, или еще чем-нибудь; от этого сглаживания сохранились следы, как на внутренней, так и на наружной сторонах стенок сосуда. Наружная поверхность сглаживалась более тщательно, чем внутренняя. Возможно, что для этого употреблялись костяные лопаточки, найденные на Шигирском торфянике. Глина, употреблявшаяся для изготовления сосудов, содержала различные примеси: прежде всего к ней с целью истощения примешивался песок, без чего сосуд подвергался опасности растрескивания во время высыхания и обжига.

Обычной является также примесь талька, который иногда содержится в очень большом количестве. От этой примеси черепки делались жирными на ощупь. По форме сосуды делятся на несколько типов. На стоянке „Калмацкий Брод“ наряду с яйцевидными и круглодонными сосудами бытовали и плоскодонные. Чаще встречаются сосуды с яйцевидным или полукруглым дном и с прямыми стенками, не имеющие шейки. У некоторых сосудов стенки несколько наклонены внутрь. Сосуды этой формы достигают иногда громадных размеров, но чаще встречаются сосуды средней величины. Одни из них служили для варки пищи, другие, повидимому, употреблялись для хранения припасов. Сосуды этого типа всегда покрыты сплошным орнаментом, покрывающим даже самое дно. Излюбленным орнаментальным мотивом были различные комбинации из зубчатых оттисков, которые наносились гребенчатым штампом. Один такой штамп, украшенный резными треугольниками, найден и на данной стоянке. Края сосудов обычно украшены одним или двумя рядами вдавленных ямок. В меньшем количестве встречаются сосуды с отогнутыми краями и с ясно выраженными шейками. Сосуды этого типа имеют или полусферическое, или плоское дно. Величина их также различна. Орнамент покрывает обычно не весь сосуд, а только верхнюю часть. Но в некоторых случаях он спускается до самого дна. На сосудах этой формы нередко оригинальные „струйчатый“ и „крестовый“ элементы орнамента, типичные для Восточного Урала. Шейки сосудов укреплены ямками в один или два ряда. Кроме сосудов этих двух основных типов встречаются очень маленькие сосудики в форме неглубоких чашечек или в виде плоских с круглым дном.

Находка медных предметов показывает, что обитателям стоянки уже были известны изделия из меди. В 1934 г. была найдена только одна медная пластинка, а в предшествующие годы — медное четырехгранное шило, подобное тем, которые встречаются в погребениях Средне-Хвалынского и Андроновского типов, и, наконец, литая медная пластинка. Кроме того была найдена пряжка, относящаяся несомненно к более позднему времени (первые века нашей эры). Металлические (медные) предметы находились почти на всех стоянках, о которых нам приходилось упоминать.

Материал, собранный на стоянке „Калмацкий Брод“ и дополненный теми сведениями, которые мы можем получить при изучении других восточно-уральских стоянок, позволяет создать довольно отчетливое представление об основных производствах восточно-уральского родового общества. С дру-

той стороны, эта стоянка дает исключительно ценный материал для характеристики типа самих поселений и отдельных жилищ. В этом отношении она в очень большой степени дополняет те скудные, отрывочные и случайные сведения, которые мы имели до раскопок 1932—1934 годов. До сих пор было известно только, что на Шигирском торфянике обнаружены остатки какого-то бревенчатого сооружения, а на Горбуновском — следы свайных построек с „балаганчиками“ в виде двухскатной крыши. Последние вызывают у некоторых ученых сомнение, т. к. раскопки Д. Н. Эдингга, продолжающиеся уже несколько лет, до сих пор не подтвердили правильности наблюдений М. О. Клера. Наконец, в посмертных записках Малахова сообщается об открытии на Юринской стоянке какого-то мешковидного углубления, которое называется автором „логовищем первобытного дикаря“, а Д. Н. Мамин-Сибиряк упоминает о какой-то четырехугольной яме на стоянке 1-го Карасьевского озера, где он производил раскопки („Древности“, т. XV). Кроме того, по моим раскопкам в окрестностях г. Тюмени были известны небольшие прямоугольные землянки, относящиеся уже к другому, соседнему обществу. По всем этим сведениям представлялось, что жилища восточноуральских охотников были небольшими. Поэтому открытие трех больших и круглых землянок на стоянке „Калмацкий Брод“ является некоторой неожиданностью. Нужно полагать, что раскрыты еще не все землянки, т. к. нераскопанная площадь стоянки во много раз превышает раскопанную. Наличие крупных землянок и довольно мощный культурный слой свидетельствуют о том, что мы имеем здесь дело с постоянным поселением, а не с временным убежищем охотников. Наоборот, такие места находок как Еловый и Листвяный мысы Исетского озера, на которых культурный слой, по сравнению с стоянкой „Калмацкого Брода“ очень тонок, вероятно, можно рассматривать как временные, сезонные, промысловые убежища. Может быть, конечно, дальнейшие исследования заставят отказаться от такого предположения, но пока оно кажется приемлемым.

Раскопки стоянки „Калмацкий Брод“ дают некоторое представление о величине поселения и плотности населения; найденные орудия говорят о характере труда, а также о многообразии мастерства на одной стоянке.

Статистическое сравнение отдельных находок показывает, что больше всего найдено орудий, прямо или косвенно говорящих об охоте, но этого недостаточно для характеристики основных отраслей хозяйства родового общества на Восточном

Урале. Использование материала других стоянок: Шигирского и Горбуновского торфяников, Горбуновской, Палкинской и Аятской стоянок, стоянок на озерах 1-м и 2-м Карасьих, Исетском, Черном и др., в пещере Гебауэра и т. д. в значительной степени уточняет наши сведения по этому вопросу. Так, например, в Шигирском торфянике найдены в очень большом количестве костяные наконечники стрел, костяные ножи, кинжалы, наконечники копий и т. д. Кроме того, найдено несколько деревянных наконечников стрел, которые, повидимому, были также чрезвычайно распространенными. Мы можем допустить, что все эти виды оружия были известны и на стоянке „Калмацкого Брода“. В Шигирском и Горбуновском торфяниках обнаружены такие предметы, которые позволяют восстановить даже самую технику охоты. Основным оружием охотника был лук. Один такой большой лук обнаружен в Шигирском торфянике. Д. Н. Эдинг нашел несколько малых луков в Горбуновском торфянике. Одним из главных животных, за которыми охотились древние обитатели нашей стоянки, был, очевидно, лось. Сб этом свидетельствуют и кости лося, и скульптурные изображения его из рога и дерева, которые находились на указанных выше торфяниках. Охота производилась зимой, по насту. Это можно заключить по остаткам лыж, хранящихся в настоящее время в Свердловском музее. Кроме лося охотились на медведя, белку, птиц и т. д.

Значительную роль в хозяйстве обитателей Урала играло рыболовство. По статистическим данным стоянки «Калмацкого Брода» этого никак нельзя было бы сказать. Из рыболовных принадлежностей найдены только обломки грузил, да еще в таком незначительном количестве, что, если полагаться на голую статистику, то можно сделать заключение об очень малом значении рыболовства. Однако, материал других стоянок говорит об обратном. Рыболовные орудия—сети костяные и роговые гарпуны и удильные крючки, найденные в очень большом количестве в Шигирском торфянике, просто не сохранились в почве стоянки «Калмацкого Брода». Что касается грузил, то значительная часть их могла не дойти до нас. Грузила часто делались из простых камней, которые обертывались в бересту или лыко и иногда прикреплялись к деревянным кольцам. Деревянные части легко могли истлеть и в этом случае до нас сохранились только одни камни. Но какой археолог мог бы узнать грузила в простых необработанных камнях, которые при раскопках находятся сотнями? В связи с рыболовством интересно упомянуть о нахождении частей лодок, весел и плотов в Шигирском и Горбуновском торфяниках.

Земледелие, если оно даже и было известно обитателям Восточного Урала в рассматриваемую эпоху, играло второстепенную роль в их хозяйстве. В материале стоянки «Калмацкий Брод» имеется только слабый намек на возможность его существования. Материал других стоянок в этом отношении дает несколько больше. В Шигирском торфянике найдена плита для растирания зерна, ручные зернотерки, деревянные орудия с педалями, служившие для разрыхления земли, наконечники мотыг из рога и кости—все это дает основание полагать, что земледелие тогда уже было известно на Урале. Вероятнее всего, восточно-уральское родовое общество находилось на стадии перехода от собирательства к мотыжному земледелию.

Итак, мы видим, что материалы ранее обследованных пунктов и стоянки «Калмацкий Брод» взаимно дополняют друг друга, обогащая наши сведения о восточно-уральском родовом обществе. Но тут у читателя может возникнуть вопрос о том, насколько правильно использовать данные других стоянок для заполнения тех пробелов, которые имеются в материале исследованной нами стоянки? Такое использование было бы вполне закономерным, если бы нам удалось установить, что все упоминавшиеся стоянки были одновременными и принадлежали одному обществу. Но имеются ли какие-нибудь основания говорить об этом? Да, имеются. Преобладание каменной и зачатки металлической техники, сходство инвентаря и полное тождество целого ряда отдельных предметов, типичных для Восточного Урала, одинаковые технические приемы изготовления сосудов, одна и та же их форма, одни и те же орнаментные мотивы, аналогичные мелкие глиняные изделия—все это позволило мне еще в 1926 году установить единство материальной культуры следующих мест поселений: Шигирского и Горбуновского торфяников, торфяника близ Березовского завода, Горбуновской береговой стоянки, стоянок на озерах Исетском, Черном, 1 и 2 Карасьем, Аятском, Палкинской береговой стоянки, пещеры Гебауэра. Здесь мы укажем только на те предметы, которые дают основание к отнесению и стоянки «Калмацкий Брод» к этой же культуре (Шигирской). Прежде всего нужно было бы перечислить почти все каменные орудия, т. к. все типы, найденные на стоянке «Калмацкий Брод», известны и на указанных стоянках. Остановимся только на наиболее типичных. Это—узкие острообушковые долота с прямым лезвием (характерно почти полное отсутствие желобчатых долот на Восточном Урале), асимметричные ножи (пилы?) из сланцевых плиток и кремня, одно-

шипные наконечники стрел, встречающиеся только на некоторых стоянках Восточного Урала. Из глиняных изделий характерными являются сосуды, среди которых так же, как и на других стоянках, преобладают яйцевидные и круглодонные, но есть и плоскодонные. Типична также примесь к глине талька. Струйчатый и крестовый элементы орнамента, так же, как и разные комбинации зубчатых оттисков, встречаются в орнаментации сосудов всех перечисленных стоянок.

Глиняные грузила в виде заостренных палочек, моталки с поперечным желобком наверху, встречающиеся исключительно на поименованных стоянках (например, в Тюмени глиняные грузила и моталки имеют даже другую форму), служат одним из лучших аргументов в пользу того, что стоянка „Калмацкий Брод“ относится к одной культуре с указанными выше поселениями. Наконец, находка головки лося окончательно убеждает нас в правильности такого вывода.

В заключение, остановимся несколько на выяснении вопроса о времени стоянки „Калмацкий Брод“. Если мы будем рассматривать стоянку изолированно, то для определения ее времени у нас окажется довольно мало данных. Мы сможем только сказать, что она относится к более раннему времени, чем найденные на ней погребения, которые мы можем отнести к последним векам до нашей эры. Находка медных пластинок, и, главным образом, медное четырехгранное шило, подобное шильям, встречаемым в Средне-Хвалынских и Андроновских памятниках второй половины и конца 2-го тысячелетия до н. э., дают уже некоторый повод считать стоянку „Калмацкий Брод“ одновременной с последними.

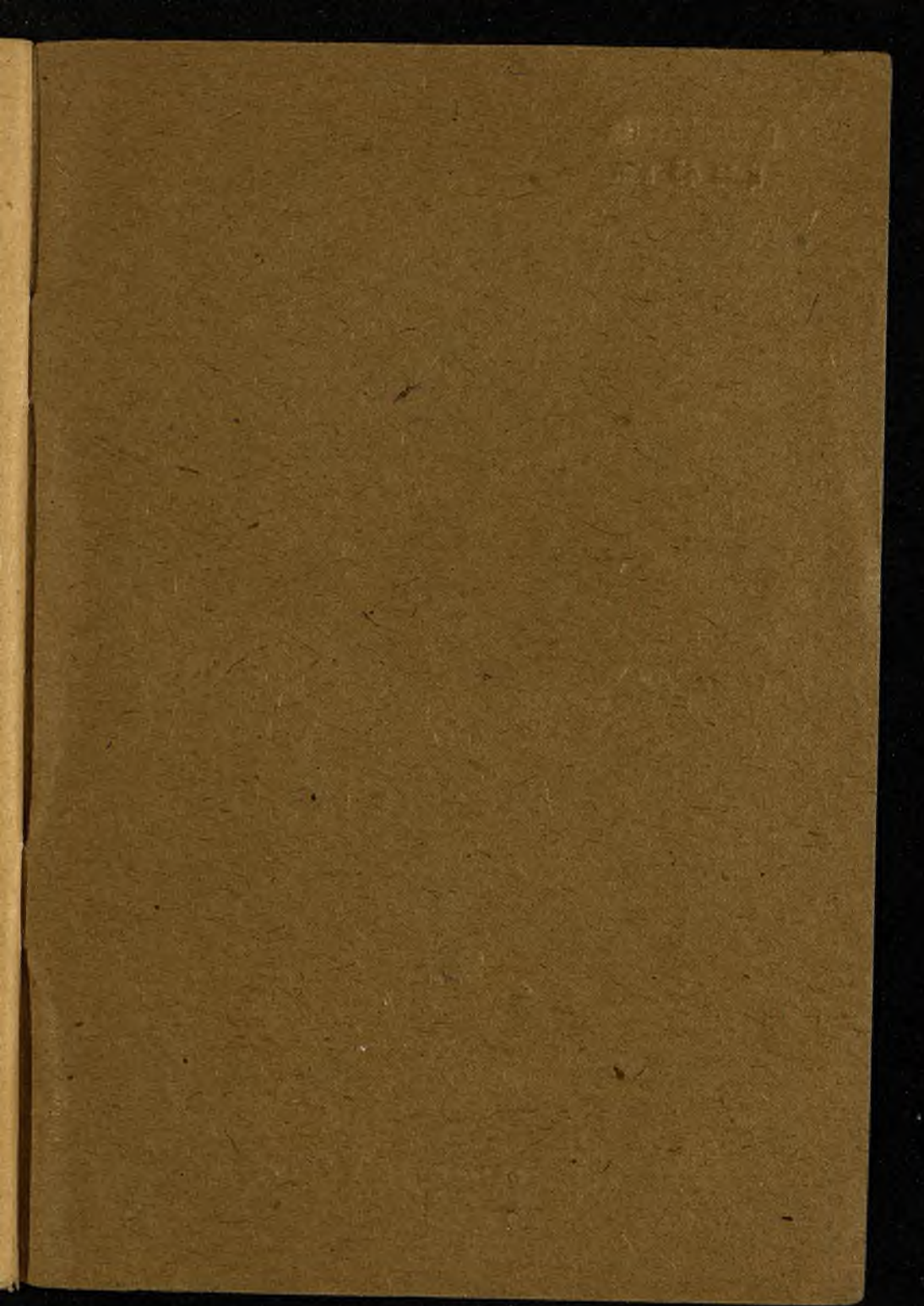
Материал других стоянок, относящихся к этой же культуре, подтверждает эту дату. Так, на Шигирском торфянике, 1 и 2 Карасьем, Исетском и Черном озерах мы встречаем мелкоструйчатый орнамент в виде меандра, который был очень распространен в орнаментации Андроновских курганов (в Челябинской обл.). В Шигирском же торфянике найдены наконечники каменных стрел Скорняковского типа. Анализ форм скульптурных изображений, а в особенности лосиных головок, показывает, что они имеют очень много общего с подобными изображениями т. н. Сейминской культуры, которая датируется этим же временем. Еще больше убеждает нас в правильности этой даты находка обломка литевой формы от кельта*) Сейминского типа, сделанная Д. Н. Эдингом на Горбуновской стоянке. Обломок кельта этого же типа был

*) Особый тип топори.

найден и на Аятском озере С. А. Теплоуховым. Все эти находки, связанные с определенными стоянками, указывают на время около 1300—1100 лет до нашей эры. Конец этой культуры датируется находками предметов Ананьинского типа, наиболее ранние из которых на территории ее распространения относятся к VIII и VII векам до нашей эры. Таким образом, время стоянки „Калмацкий Брод“ определяется между 1300 и 700 годами до н. э. Более точная датировка при современных научных данных — невозможна.

Объяснение некоторых технических слов, встречающихся в брошюре

Орнамент — узор, украшение. Меандр — орнамент из прямых линий, черточек, изогнутых под прямым углом. Курган — искусственный бугор или холм (обычно на месте погребения). Педаль — та часть инструмента (например заступа), на который опираются ногой. Комбинация — сочетание. Траншея — продольное углубление в земле, проделанное для какой-нибудь специальной цели (на войне, при раскопках и т. д.). Стратиграфия — часть геологии, изучающая условия залегания различных горных пород. Карьер — место ломки камня. Геология — наука об истории земной коры.

Цена 45 коп.

Одано в продаж. 18 септембра 1934 г. Подано в продаж 19 октомбра. 112 листа.
4,5—148×210 Знаков 12 т. Олд изд. гор. Перм, тиз. изд-ва „Знамя“, ул. ул.
М. Яковлев и 25 Окт., 25. Тираж 2000. Облгт. № 4719. Занас № 3146.